

Упадок и возрождение великих империй. Россия и Германия с 1870 г.

Одной из больших, вновь и вновь затрагиваемых и освещаемых тем историографии является вопрос о причинах расцвета и упадка великих империй. Подробно исследованным примером этого стала Римская империя, на истории которой со времен Макиавелли и Монтескье в первую очередь рассматривались причины упадка. Однако в этом аспекте исследовалась также история Священного Римского Союза в Средневековье, история так называемого Раннего Нового времени и Османской империи. Предметом таких исследований становились национальные истории Швеции, Великобритании, Франции и России, в некоторых исследованиях Германии, а также Индии, безусловно, Китая, и кроме того, (в определенном смысле в качестве прогноза-предупреждения) история США. В процессе этих исследований зачастую отступал на второй план другой, не менее актуальный, а в настоящее время, возможно, и более насущный вопрос: что движет так часто сменяющим друг друга расцветом, упадком и возрождением некоторых из этих великих империй и государств? Какие причины, какие изменившиеся условия стали определяющими в перемене этих тенденций и (опираясь на современное положение дел и перспективы на будущее) какие останутся определяющими и в дальнейшем?

Этот вопрос я хочу рассмотреть на примере во многих отношениях взаимоисключающего, но происходившего в рамках одного и того же исторического отрезка, а в дальнейшем вновь пересекавшегося развития Германской и Российской Империй в период с 1870 (с момента создания Германского Рейха) с особым вниманием на период до начала Первой мировой войны. При этом предметом нашего постоянного внимания будет также и дальнейшее развитие этих двух государств с их частично параллельной, частично противоположной динамикой периодов упадка и возрождения.

Германский Рейх возник из расширившейся в 1871 г. за счёт малых и средних немецких государств Пруссии. При его основании он был сознательно объявлен продолжателем распавшегося в 1806 г. первого Святого Римского Рейха Германской Нации как символ возрождения после долгого периода упадка. Государство Пруссия, в течение 17-18 вв. постепенно ставшая великой державой, а после тяжелого поражения от Наполеона в двойном сражении под Йеной и Ауэрштедтом в 1806 г. отброшенная на средневропейский уровень, вновь постепенно приобрела силу и влияние. Это произошло прежде всего благодаря ее экономическому расцвету, начавшемуся и сопровождавшемуся реформами общественного устройства. Тем не менее на протяжении 19 века Пруссия, как постоянно в начале своей деятельности подчёркивал Отто фон Бисмарк (являвшийся с начала 60-х гг. этого столетия ведущим государственным деятелем), являлась самой маленькой из пяти великих европейских держав и была вынуждена вести постоянную борьбу за этот

статус. Пока Англия, занятая расширением своей мировой империи, стояла в стороне от этого процесса, подъем политического и иного влияния Пруссии происходил при протекции и при опосредованном содействии могущественной царской империи. Последняя с 1815 года, после победы над Наполеоном и наполеоновской Францией, наряду с Австрией, все больше и больше становилась лидирующей силой на континенте. Поддерживая Пруссию, Санкт-Петербург хотел не в последнюю очередь создать противовес монархии Габсбургов, которая наряду с Россией являлась самой могущественной из континентальных европейских сверхдержав. Русско-австрийское противостояние являлось со времен Крымской войны одной из констант континентальной европейской политики, на которой во многом базировалась внешнеполитическая концепция Бисмарка.

Однако после прусско-германской победы над Францией расклад сил быстро изменился. Если сначала Пруссия-Германия рассматривалась Россией как младший партнер в сообществе великих держав, а Англией как сила, которая, не изменяя принципиально взаимоотношения сил на континенте, уравновешивала имеющиеся центры тяжести самым благоприятным образом, то в течение 70-х гг. 19 в., (то есть за относительно короткое время) эта оценка и подход изменились кардинально. Германский Рейх представлялся в Санкт-Петербурге, а в дальнейшем и в Лондоне как государство, которое постоянно набирало силу, становилось опасным и имело все перспективы, превратиться в континентального гегемона. Это происходило прежде всего за счет фактора, который до сих пор среди обычных признаков претензий на великодержавный статус – размеры территории, количество населения, военная мощь – играл скорее второстепенную роль. Пруссия значительно уступала Российской империи по территории и числу населения и в соответствии с этим, как казалось, в военной мощи. Но точки роста внезапно сместились в другую плоскость и в соответствии с этим, по отношению к другим европейским сверхдержавам, повлияли на количество населения и на военную мощь. Этой плоскостью стало ремесленное и промышленное производство. На этом поле Германский Рейх в течении небольшого промежутка времени обошел все континентальные европейские державы и постепенно стал на равных конкурировать с Великобританией, называвшей себя “first industrial nation” (первой индустриальной нацией).

Это изменение соотношения сил особенно беспокоило Российскую империю. Экономические основы ее собственного державного статуса в сравнении с западно- и среднеевропейскими странами выглядели все более слабыми, а относительный застой на этой стадии продолжался. Он становился очевидным при сравнении роста валового социального продукта в России и странах Центральной и Восточной Европы, причем Россия все больше отставала в производстве промышленных товаров.

Россия стремилась противопоставить этому во многом экономически обусловленному изменению расклада сил классический контраргумент территориального расширения. При этом после поражения в Крымской войне Петербург устремлял свои взгляды на приграничные азиатские регионы, в первую очередь на Китай, от которого удалось добиться некоторых территориальных и торгово-политических уступок. Но с 70-х годов 19 в. основным объектом русских притязаний вновь стали владения Османской империи, как в то время говорили, “больного человека на Босфоре”, и прежде всего (в прямой конкуренции с Австро-Венгрией) за юго-восточные области этой империи.

Конечно, иногда некоторые русские политики вплоть до ближайшего окружения правящего царя Александра Второго приходили к пониманию того, что нужно прежде всего в экономической и тесно связанной с ней социальной областях последовать примеру Пруссии, т.е. в рамках государственной политики активно продвигать мобилизацию экономического потенциала посредством устранения всех препятствий формированию свободного рынка. Только так, полагали они, можно было воспрепятствовать изменению конфигурации сил, в особенности в пользу германского рейха, и сохранить собственные позиции. Но этой политической линии противостояли могущественные общественные силы. Он испытывали прежде всего страх перед той перспективой, что таким образом рано или поздно автократическая система, полностью основанная на статусе царя и его претензии на власть, сама политическая система страны как таковая может потерять равновесие.

И этот страх полностью возобладал после убийства Александра Второго при его преемнике, Александре Третьем. В своей политике Александр Третий опирался прежде всего на союз с православной церковью и на ту часть регионального и местного дворянства, которая опасалась за свое экономическое влияние. Только в течение 80-х гг. постепенно возобладало мнение, что нужно по крайней мере в области экономики пойти на реформы, если государство не хотело и на государственно-политическом уровне подвергнуться катастрофическому упадку и распаду. Реформаторы, которые с 80-г. становились все более активными, считали, что именно прусско-немецкий пример наглядно демонстрирует: можно проводить экономико-политические изменения, не подвергая значительным изменениям внутривнутриполитическое устройство страны.

По этому пункту часто, хотя и негласно, ссылались на стабилизирующую политическую систему борьбу, которую Отто фон Бисмарком начал со времени своего вступления в должность в начале 60-х гг. 19 в. против либеральных и парламентских сил, одновременно идя им навстречу в области экономических реформ. Бисмарк действительно стал в области экономической и частично социальной политики настоящим борцом за либеральные требования и проводил соответствующую политику. Но в то

же время он являлся твердым сторонником верховного статуса кайзера и управляемого бюрократией госаппарата, когда определяющая роль отводилась не подвергаемой сомнениям самодержавной власти монарха и правительства и армии.

Громче всего высказывался за такую политику в России Сергей Юльевич Витте, родившийся в 1849 г. в Тифлисе инженер-железнодорожник немецкого происхождения. В 1888 г. он стал начальником вновь образованного департамента железных дорог, четыре года спустя, в 1892 г., занял пост министра путей сообщения, а в 1893 г. – также и пост министра финансов, т.е. два ключевых поста для проведения любой реформаторской политики. Он разработал концепцию безусловного приоритета оздоровления государственных финансов (в высшей степени истощенных военными расходами) и усиления угасающей государственной власти в области экономики посредством построения управляемого и контролируемого государством, но в то же время следующего законам международного капиталистического рынка хозяйства. Благодаря этой концепции он приобретал всё большее влияние на все сектора государственного управления и политики. Он продемонстрировал всей стране, что и капиталистическая система, очевидно, может процветать в условиях автократического государственного устройства, более того – что эта система способна радикально укрепить автократическое государственное устройство. Возрождение России может происходить таким путём, при этом не порождая существенной опасности для прежней политической и социальной системы – таковой была основная мысль его неустанно повторяемого реформистского послания.

В своей концепции Витте ориентировался прежде всего (хотя, как уже упоминалось выше, российские условия были во многом, безусловно, отличными) на Пруссию-Германию, на Германский Рейх, неоспоримый рост могущества которого был обусловлен прежде всего экономически. При этом в Германии не было сделано значительных политических уступок получившим от этого выгоды политическим силам. Основная ставка там по-прежнему делалась на главенствующую роль государства и его преданную кайзеру бюрократию, на лидерские претензии старых правящих элит. С точки зрения Витте и его ближайших единомышленников это являлось “немецким путём” переустройства и модернизации России и, таким образом, нового укрепления власти. Одновременно это являлось альтернативой тому пути, которым в течении долгого времени (и, по всей видимости, с большим успехом) шла Англия. Суть этого “английского” пути состояла в том, что не государство, а общественные элиты, большая часть старой аристократической и набирающей силу предпринимательской элиты, взяло в руки бразды политического и прежде всего экономического правления и проводило переустройство и модернизацию Англии. Этим способом ей удалось

добиться значительного роста могущества страны. Конечно, этот “английский” путь, как все отчетливее осознавали многие в течение 19 в., был обусловлен специфическими историческими и географическими предпосылками, отразившимися в менталитете правящих кругов Англии. Значительную роль в нем играло рано завоеванное первенство страны в международной торговле и тот факт, что Англия как “первая индустриальная нация” стала мировым лидером в том процессе коренного экономического переустройства, который происходил в Европе с 18 в.

Специалист по национальной экономике Александр Гершенкрон (родом из Одессы, получил образование в Вене и сделал карьеру в США) сделал из этого исходного лидирующего положения Англии в процессе всеохватывающего коренного экономического переустройства слишком общие выводы и положил их в основу теории, которая в течении некоторого времени имела очень много последователей. Развитие (или, в другом сравнении, степень отсталости) каждого из европейских, а позднее и не только европейских государств принципиально рассматривалось им в зависимости от взятого в качестве эталона уровня экономико-социального развития Англии. Названная степень отсталости, по мнению автора, варьировалась в разных странах и приводила к тому, что взаимоотношения государства и общества в каждом случае выстраивались по-разному. Роль государства, то есть сила и влияние государственной власти и государственной бюрократии, были наиболее сильны там, где было наиболее очевидным отставание общественного и экономического развития.

Гершенкрон пытался обосновать этот тезис о центральной роли государства и централистски ориентированной бюрократии в процессе модернизации в тех странах, которые были наиболее отсталыми в экономической и социальной областях, прежде всего на примере развития России перед началом Первой мировой войны. Сопоставительным примером в его общей теории о значении степеней отсталости в разных странах стала Пруссия-Германия. По мнению Гершенкрона, российское государство, которое государственная бюрократия с середины 80 гг. 19 в. мобилизовало с напряжением всех сил, должно было, по его формулировке, “мощным спуртом” преодолеть огромное отставание не только от Англии, но и от Пруссии-Германии и постепенно приближаться к этим высокоразвитым странам. При этом российское государство прежде всего использовало тот опыт, который приобрела Пруссия-Германия за период с 30-х гг. 19 в., в своей тогда столь успешной попытке догнать Англию. Другими словами, этой стране удалось невиданными доселе темпами преодолеть катастрофическое отставание и присоединиться к клубу индустриальных держав – также, как следовало бы добавить, и в геополитическом смысле: в этом контексте просто напрашиваются параллели к современному Китаю.

Гершенкрон назвал несколько мер, которые способствовали этому внезапному “мощному спурту”: приоритетное создание крупных промышленных структур, предпочтение производству средств производства за счет потребительских товаров, ограничение потребления широких масс населения, доминирующая роль государства на рынке капиталов и низкая производительность сельского хозяйства, которое в силу этого не могло стать развивающимся рынком сбыта для растущего промышленного сектора. Оставим в стороне оживленную дискуссию по каждому из пунктов, происходившую в то время. Более важным в этом контексте представляется тот фактор, которому Гершенкрон придавал факультативное значение, а именно значению государственно-политического элемента. Под этим подразумевается российская идея компенсации нарастающего отставания своей мощи и значимости, с которым России пришлось столкнуться в 19 в., а возможно и его преодоления именно в экономической плоскости. Этот расчет был особенно важен в сравнении с набирающим мощь Германским Рейхом, но геополитически также и в отношении Великобритании, разрыв с которой в предшествующие десятилетия всё более увеличивался. За этим расчетом стояло всё более усиливающееся опасение откатиться на те же позиции, что занимала Австро-Венгрия, которая потеряла значительную часть своего влияния. А там уже четко просматривался наихудший сценарий превращения в конце концов во вторую Османскую империю, государство, которое чуть менее 200 лет назад было самой опасной державой Европы, а теперь было все лишь “больным человеком на Босфоре”.

Удержание в единых границах и политическое поддержание позиций Османской империи и империи Габсбургов, равно как и тогдашней России, в условиях слабеющих общественных и экономических основ происходило прежде всего за счет усилий военных, бюрократии и существования института монархии. Но их единство и “боеспособность” (и в этом новый Германский Рейх был выдающимся примером) достигалась благодаря элементу, который в этой форме являлся в государственно-политическом смысле во многом новым фактором: это была национальная идея. В случае с Россией это в первую очередь относилось к великорусской нации, в случае с Австро-Венгрией - к ее немецкой составляющей, поддержанной значительными преференциями для венгерской части империи. Как в том, так и в другом случаях в многонациональных государствах под властью единой короны были необходимы дополнительные факторы, которые укрепляли бы объединяющие государственно-национальные чувства. В России такими факторами стали православие, а позднее в особенности панславизм. Его после произошедшего в 1879 г. заключения тесного военно-политического союза империй, управляемых немецкими династиями (Австро-Венгрии и Германского Рейха) противопоставляли

пангерманизму, который, однако, был скорее страшным призраком, чем существовал в действительности.

При правлении Александра Третьего вновь возродилась идея о трёх столпах российского государства, а именно православии, самодержавии и народности, вне зависимости от того, имели ли они великорусскую или панславистскую окраску. Эта концепция вновь дополнялась идеей, значение которой для тогдашней ситуации в России и последующего развития в будущем невозможно переоценить: а именно идеей существования России как гаранта и охранителя естественного и богоугодного порядка не только в границах собственного государства, но и в европейском, а в конце концов и во всемирном масштабе. Эта идея выработывалась на протяжении трех поколений в борьбе против столь же глобальных идей Французской революции и нашла свое отражение в провозглашенном Александром Первым “Священном союзе”. Этот союз должен был объединить все монархистские государства Европы в совместной борьбе против исходящего из Франции революционного духа с целью сохранения прежнего богоугодного порядка. Уже тогда эта идея находила в среде действующих политиков за пределами России немного действительно убежденных последователей. Но за пределами этого круга, в формирующемся консервативном лагере, все было по-другому. Для этого лагеря, руководимого прусскими консерваторами, Россия, которую современники называли “жандармом Европы”, была духовной ведущей силой, противовесом “западным” идеям, которые были распространены прежде всего во Франции, но также и в Англии.

Эта идея объединяла прежде всего Россию и консервативную Пруссию. И как ни дистанцировался ее политический лидер с начала 60 гг. 19 в. Отто фон Бисмарк от консервативных представлений – эта идея оставалась основой его убеждений и находила отражение в некоторых из его конкретных действий. Для него она выражалась в формуле “борьбы с революцией”, принципа, общего для всех отдельных государств. Если о Германском Рейхе говорили, что это было государство без идеи, то есть без глобального, в конечном счёте наднационального основополагающего принципа, то с точки зрения фон Бисмарка, это было верно лишь отчасти. Он был в достаточной степени реалистом, чтобы понимать: устаревший консервативный принцип “борьбы против революции” не стоит провозглашать открыто, а претворить его в жизнь можно только в ограниченных масштабах, сосредоточившись на этом в рамках собственного государства. Но для тех представителей консервативного лагеря, которые, несмотря на многочисленные уступки Бисмарка их политическим противникам, оставались его сторонниками, принцип “борьбы против революции” оставался общим и объединяющим (по крайней мере, с их точки зрения). И одновременно этот принцип объединял их, как и прежде, несмотря на все конфликты интересов, с Россией, как настоящим “хранителем священной печати” этого принципа.

Этот факт являлся для консервативного лагеря основой германо-русских отношений. С другой стороны, он был причиной яростных атак левых политиков на царистскую, относимую к числу восточных деспотий автократию, атак, которые всегда были направлены и против собственных внутривластных противников. Конечно, на передний план (под знаком все более ожесточенной конкуренции великих держав в наступившей эпохе империализма) все более выходили собственно вопросы о власти, а с ними и самый принципиальный вопрос: что является самой важной основой власти государства, что ведет к ее усилению и ослаблению? И в этой дискуссии и в консервативном лагере (в противовес сконцентрированной на определяющих идеях и их столкновениях интерпретации истории) все более набирала силу точка зрения, которая подчеркивала самостоятельную роль и значения экономических факторов и экономического развития.

Эта точка зрения находила свое подтверждение и тогда, когда сравнивали изменение позиций России (призванной стать консервативным лидером Европы) в период до 1914 г. в соотношении с другими великими державами. Все больше наблюдателей приходило к выводу, что настоящей основой для все более неоспоримого роста могущества российского государства после десятилетий постепенного угасания – не принимая во внимание внутривластных реформ по прусскому образцу в правление Александра Второго, “Царя-Освободителя” – были не те самые три столпа, а именно православие, самодержавие и народность, но стремительный рост российской экономики (которая в значительной части была государственной экономикой) со второй половины 80-х гг. 19 в. В период между 1890 г. и 1914 г. промышленное производство в России, возраставшее в среднем на 8 процентов ежегодно, показывало темпы роста, превосходившие показатель всех других стран, включая США. К 1914 г. Россия стала четвертой индустриальной державой мира, хотя при этом сохранялся огромный разрыв между индустриальными центрами и обширными аграрными регионами, которые составляли более чем 80% территории страны.

Беспрецедентные темпы роста в производственно-промышленном секторе при поддержке государства, а точнее при поддержке министра финансов Сергея Витте и его окружения, привлекли в страну значительные зарубежные инвестиции, прежде всего из Германии, впоследствии из Франции и Великобритании. В начале 20 в. Россия имела самые большие внешние долги в мире. Но темпы роста открыли совершенно новые возможности и перед землевладельческой аристократией. Одновременно они сформировали параллельный старорусскому купечеству слой промышленных предпринимателей с частью образованного среднего класса, возникшего благодаря реформам системы образования (во многом скопированным с прусско-немецкого образца).

Однако ценой всех этих успехов (и в этом Россия коренным образом отличалась от прусско-германской системы) стал практически полный отказ от мер социальной поддержки населения со стороны государства. Конечно, и в Германском рейхе предпринимаемые в области социальной политики меры были значительно меньше того, что требовали с марксистских или христианских позиций представители рабочего класса. Но здесь со стороны центральных и местных властей, как и со стороны предпринимателей, существовал некоторый минимум правовой, социальной и экономической поддержки, не в последнюю очередь созданный с целью удержания в определенных границах недовольства и революционного брожения нижних слоев общества (в особенности рабочего класса). В России, напротив, государственный капитализм обнаружил всю свою жестокость, сравнимую (если не принимать во внимание современную ситуацию в некоторых странах) только с периодом ранней индустриализации в Англии, которую в 40-х гг. 19 в. так ярко описал Фридрих Энгельс. К 1914 г. Россия в результате бездумно проводимой политики модернизации, имевшей целью как раз сохранение или, если угодно, восстановление своих великодержавных позиций, стала огромной социально-политической пороховой бочкой.

Абсолютный отказ государственной власти от социально-политических инициатив в отношении свободно развивавшегося капитализма (причинами этого отказа было опасение затормозить его развитие и вызвать бегство иностранного капитала из страны) в конечном итоге поднес фитиль к этой бочке. В 1905 г. государственно-политическому возрождению автократически управляемой российской системы власти, произошедшему благодаря расцвету государственной экономики, был нанесен первый удар. Спровоцированная совершенно неожиданным поражением в войне с Японией, которая была выбрана новой жертвой колониальной экспансионистской политики, в стране произошла революция против царистской автократии. Ее движущими силами стали нарождающийся, еще очень немногочисленный рабочий класс, а также так называемая интеллигенция и частично новый средний класс.

Эта первая русская революция стало предметом повышенного внимания в первую очередь в Германии (в частности, для Макса Вебера). Там полагали, что ситуация в России и Германии (при всех ее различиях) в аспекте отношений между государством и обществом была очень похожа, и в этом контексте из результатов русской революции можно было сделать далеко идущие выводы. Эта революция вынудила пойти на ряд конституционно-политических реформ, прежде всего на создание парламента, Государственной Думы, которая должна была формально превратить страну из абсолютной монархии в конституционную. Но связанные с этим большие надежды реформистского крыла революционеров (которые в принципе хотели продолжать политику модернизации в стиле Витте и в первую очередь его экономическую

политику при ограничениях бюрократическо-авторитарного аппарата) не осуществились. Реальная власть в большей степени, чем в Пруссии-Германии (где конституционалисты и сторонники парламента, несмотря на все препоны, увеличивали свое влияние) оставалась в руках монархии и у контролируемого и административно управляемого царистской бюрократией государственного сектора экономики. В Германии, как и во многих других западных странах, все больше говорили о бутафорской конституционности, которую можно было сравнивать с ситуацией в Германии только с большими оговорками.

В условиях этой лишь отчасти и на короткое время ограниченной конституционными уступками авторитарно-бюрократической системы Россия существовала до окончания Первой мировой войны, в которой она участвовала на стороне Антанты. Потом в измотанной военными действиями, стоявшей на грани развала стране произошла вторая конституционная революция. Но ее саму вскоре накрыла радикально-революционная, нацеленная на коренное изменение всех общественных отношений волна – большевистская Октябрьская революция.

Октябрьская революция, как бы решительно она во всем ни дистанцировалась от царского периода, унаследовала от своих предшественников две вещи: бюрократически управляемую государственную экономику и неременное главенство всевластного, авторитарного и централизованного госаппарата, основой которого была партия, контролирующая все и вся. Из царского прошлого, с наследием которого большевики так решительно боролись, они переняли еще кое-что. Это была идея о том, что Россия призвана бороться за всеобщий, единый для всех государств и наций принцип, на котором и зиждется претензия страны на лидерство в будущем мире. Иными словами: на место идеи, что Россия призвана сохранять и поддерживать прежний богоугодный порядок, который подвергается смертельной опасности из-за разрушительного влияния идей Французской революции (в чем и состоит ее миссия в мировой истории) пришла идея, что историческая миссия России состоит в том, чтобы привести к победе мировую пролетарскую революцию. И перед тем как отомрут все государства, это и будет основанием претензий на лидерство российского государства, руководимого единственно большевистской партией.

На этом этапе после 1918 г. (после окончания Первой мировой войны и Октябрьской революции) окончательно, как тогда казалось, разошлись такие во многом похожие, а во многом и переплетенные пути Германии и России в современной истории. Но после 1933 г. они вновь в определенном смысле сблизились, при всех неоспоримых глубочайших идеологических различиях и диаметрально противоположных сверхзадачах – здесь мировое господство германской расы, там мировая классовая победа так называемого пролетариата. Как в том, так и в другом случае все более усиливающееся государство управлялось и

осеялось одной централизованной и авторитарно руководимой партией. Как здесь, так и там экономика находилась под руководством государства и партии, не подвергаясь в основе своей структурным изменениям и, по своей сути, не неся ущерба от всех внешних вмешательств, следовала экономическим законам. И в Германии, и в России предпринимались все возможные усилия, чтобы форсировать экономическое развитие, с тем чтобы и в этом отношении с помощью “мощного спурта” выйти в лидеры. Позднее, когда в Западной Германии при совершенно других предпосылках и в совершенно других политических и общественных рамочных условиях продолжалась борьба за увеличение внутреннего социального продукта, Россия, (или если угодно, Советский Союз), сохранявшая свою общественно-политическую систему в неприкосновенности до 1990 г., несмотря на предпринимаемые в этой области усилия, все больше отставала. В конечном итоге расширившееся после 1945 г. в так называемый Восточный блок единство советско-русской империи распалось. Однако вместо полного распада (который некоторые считали вероятным) Россия, опираясь на свои огромные ресурсы полезных ископаемых и энергетические резервы и управляемая вновь усилившейся и централизованной государственной властью, пережила новый подъем. Этот подъем подчеркнул и упрочил ее место в клубе сверхдержав, место, которое в течение 19 в. и после 1990 г. могло быть утеряно. Центральным фактором этого процесса стала экономическая политика – этот постулат объединял таких разных политических деятелей как Сергей Юльевич Витте и Владимир Ильич Ленин. Эта мысль и в сегодняшние дни продолжает во многом определять действия российского государства.

Похожий принцип действует, в совершенно других условиях и при других предпосылках, и для Германии. Для нее после поражений в двух мировых войнах падение было несравненно более катастрофическим, а завоеванное к 1914 г. место в кругу европейских и даже мировых сверхдержав казалось после 1945 г. навсегда утерянным. Но здесь также, в основном благодаря опоре на экономический успех страны и с первоначальной поддержкой государств Западной и Центральной Европы, последовало поступательное возрождение. Оно, конечно, не вернуло страну в клуб мировых держав (т.е. на уровень США, Китая, России и, возможно, Индии и Японии) но возвратило Германию в когорту европейских лидеров. Она является членом так называемой Большой Семерки, а позднее Большой Восьмерки, где с 1975 г. совместно работали главы государств и правительств ведущих западных индустриальных стран. В него в 2002 г. вошла Россия, а в перспективе, возможно, войдет и Китай. Названные страны относятся к кругу “ведущих” индустриальных наций. Содержание понятия “ведущая” включает в себя, помимо “экономического потенциала” (измеряемого, например, по индексу внутреннего социального продукта) также, как это звучит в

соответствующих дефинициях, и понятие “значения индустриальной нации”, а также “потенциал мощи и влияния” соответствующего государства.

Мощь и влияние государства во многом определяет (опираясь на такие данные от природы условия, как величина соответствующей территории и количество населения) политика. Она, по данному в начале 19 в. Наполеоном определению, является “судьбой”. Нет, возражал на это Вальтер Ратенау, промышленник, а позднее министр иностранных дел Германии, заключивший сепаратный договор в Рапалло и убитый в 1922 г.: сегодня экономика является “судьбой”. Если рассматривать расцвет, угасание и возрождение великих государств, как мы обрисовали это на примере Германии и России со второй половины 19 в., то более всего склоняешься к тому, чтобы признать за ним хотя бы частичную правоту. Безусловно, как и прежде, основное направление развития определяется политикой. Но она не может создать условия для успеха либо неудачи. Он может лишь принять их как данные судьбой предпосылки и способствовать их развитию, или, ценой неудачи в конечном итоге, по многообразным, в некоторых случаях вполне понятным причинам отвергнуть их.